

Относится ли это и к написаниям типа *külišs, kulmill, tähkõišs* (правильнее: *küliš, kulmil, ähkõiš*)? Или к *čč*, например, *raččahilla* (= *tštš!*)? Нам кажется, что используемая транскрипция все же не просто общепринятая финно-угорская, несмотря на дополнение «в полугрубом варианте». Следовало бы раскрыть ее сущность, дать некоторым обозначениям объяснение. Имеется также ряд мелких неточностей в ссылках на литературу и в списке литературы.

Диссертация А. Пунжиной содержит новое решение актуальной научной задачи — систематического изложения сведений об именных категориях калининских говоров карельского языка с привлечением данных других говоров карельского языка, других прибалтийско-финских и дальнеродственных финно-угорских языков с целью выявления происхождения, функционирования и семантики указанных категорий.

АГО КЮННАП (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.3.11>

В. П. Федотова, Фразеологические единицы в карельском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1977.

17 октября 1977 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР В. П. Федотовой на тему «Фразеологические единицы в карельском языке». Официальными оппонентами свою оценку этому интересному исследованию дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук Ф. Вакк (Таллин).

Диссертация В. П. Федотовой посвящена фразеологическим единицам (ФЕ) карельского бесписьменного языка, причем данное исследование (214 стр.) является первым научным описанием системы карельской фразеологии. Надо подчеркнуть, что в последние десятилетия намечилось известное оживление в исследовании финно-угорской фразеологии, однако несмотря на достигнутые успехи, эта область языкознания продолжает оставаться сравнительно слабо разработанной. Внимание ученых всегда больше привлекали письменные языки, которым и посвящен ряд диссертационных работ (F. Vakk, *Somaatilist fraseoloogiat eesti keeles*, Tallinn 1964; Р. С. Ширманкина, *Фразеология мордовских языков*, Саранск 1969; Э. С. Якимова, *Соматическая фразеология в марийском*

языке, Тарту 1975). Фразеология финно-угорских языков, не имеющих письменности, почти совсем не изучена (а ведь из семи прибалтийско-финских языков пять бесписьменные!). Однако именно фразеологизмы представляют собой тот участок изобразительных языковых средств малых языков, на котором редукция и бесследное исчезновение дают о себе знать быстрее и ошутимее. Это положение подтверждают и наблюдения В. П. Федотовой: фразеологией карельского языка пользуются сейчас преимущественно представители самого старшего поколения, сравнительно реже — среднего, в то время как в языке молодежи она почти не встречается.

На основе богатого фактического материала, полученного во время экспедиций и путем изучения опубликованных источников, автором выделены как объект карельской фразеологии, так и своеобразие типов карельских ФЕ. В. П. Федотова ставит перед собой задачу изучить и раскрыть специфические особенности структуры фразеологизмов с семантической и грамматической точек зрения. Большую ценность имеют и приведенные в качестве иллюстративного материала фразеологизмы, которые тем самым вводятся в научный оборот. Значение таких фразеологических исследований трудно переоценить также в плане изучения исторического развития языка. Сравнительное исследование фразеологии, еще почти не нача-

тое, несомненно поможет выявить новые данные о финно-угорских языках и говорящих на этих языках народах.

Диссертация состоит из предисловия, теоретического введения, трех глав с краткими выводами, общего заключения, приложения и списка использованной литературы (вместе с сокращениями названий научных трудов), содержащего теоретические и лексические труды более 150 советских и зарубежных авторов. В списке литературы, кстати, отмечены все существенные работы (за исключением двух-трех сборников фразеологических выражений, опубликованных в Финляндии, например: Y. Kivimies, *Näinkin voi sanoa*, Helsinki 1964; S. Virkkunen, *Suomalainen fraasisanakirja*, Helsinki 1974).

Вводная часть посвящена определению и теоретическим основам фразеологии (проблемы возникновения, структуры, классификации, вариантности и т. д.). Действительно, даже понятие фразеологии еще не до конца сформулировано в лингвистическом плане. Так, не все исследователи считают, что под это понятие подходят также пословицы, поговорки и ряд устойчивых словосочетаний других типов. При критическом анализе обильного теоретического материала автор характеризует ФЕ (довольно широко): «особые, специфические явления языка и речи, обладающие свойствами идиоматичности, образности, экспрессивности и устойчивости как их категориальными признаками» (стр. 19 и сл.). В работе выявлены и основные типы карельской фразеологии (стр. 20 и сл.). Пословицы переносного характера отнесены в общем к фразеологии, но границы пословиц и, например, ФЕ предикативного типа все же остаются нечеткими (стр. 25). Автор между тем доказывает, почему сложные слова тоже включены ею в фразеологическую систему карельского языка (стр. 23). В соответствии с требованием описывать и характеризовать фразеологию того или иного языка с позиции ее структурной специфики подведение сложных слов под понятие фразеологизма представляется в какой-то мере допустимым. Такие выражения, как *kesselipiä* 'глупец (букв. кошель-голова)', *vačanhapatuš* 'горе (букв. закваска для живота)', *palopeä* 'девушка, так и оставшаяся просватанной (букв. горящая голова)

по своему происхождению действительно являются сложными словами, но обладают внутренней раздельной оформленностью, так как первый компонент выступает в качестве определения. Поэтому, собственно, нельзя считать ошибочной точку зрения диссертанта, согласно которой такие сочетания слов обладают всеми семантическими признаками фразеологических единиц типа идиомы и представляют собой наиболее самобытный и, очевидно, древнейший тип карельских фразеологизмов (стр. 41, 88, 126 и сл.). Однако принадлежность сложных слов к классу фразеологизмов все-таки остается спорной, так как в этом случае в первую очередь следует руководствоваться не столько историко-лингвистическими соображениями, сколько современным формообразованием, особенно если при слиянии определение имеет форму номинатива.

Первая глава излагает историю изучения ФЕ в прибалтийско-финских языках (стр. 29—39). Особое внимание обращено при этом на историю изучения ФЕ карельского и финского языков, близких не только по принадлежности к одной языковой семье, но и по исследовательской работе в области фразеологии. Честь первого обнаружения в печати финноязычных изречений принадлежит родоначальнику финской литературы Микаэлю Агриколе (XVI в.). В части собирания и публикации образных выражений (пословиц, поговорок и т. д.) больше других преуспели ученые Финляндии. Количество речевого материала в ее архивах к 30-м годам XX в. составило примерно 1 425 000 карточек. Собрание материала на территории распространения карельского языка было начато финнами еще в прошлом столетии. В настоящее время имеется несколько сборников и отдельных статей, фиксирующих фразеологические выражения разных карельских говоров. Следует отметить, что в ходе написания диссертации все эти материалы использованы и учтены автором.

В. П. Федотова выступает с весьма верным предложением: поскольку ФЕ бесписьменных прибалтийско-финских языков исчезают довольно быстро, надо более интенсивно исследовать этот материал (стр. 38).

Во второй главе (стр. 39—96) рассматривается семантическая структура ка-

рельских ФЕ; автор придерживается при этом семантической классификационной схемы академика В. В. Виноградова (фраз. сращения или идиомы, фраз. единства и сочетания). При трактовке фразеологизации много внимания уделено семантическому переносу. В. П. Федотова права, утверждая, что фразеологизация в карельской речи представляет собой процесс абстрагирования от конкретных предметов и явлений окружающей действительности. В связи с этим, однако, следовало бы подчеркнуть, что степень абстрагирования и семантический перенос, происходящий при сочетании лексем в различных областях семантики, различны. Так, для соматической фразеологии, богато представленной почти во всех языках, по-видимому, характерна возможность совпадения основной функции слова с его фразеологическим применением.

Опираясь на богатый фактический материал, автор подробно рассматривает свойства (признаки) фразеологичности (см. выше), показывает их сущность, лексические и грамматические способы реализации. Так, для многих карельских фразеологических конструкций характерны ритм и аллитерация, что особенно наглядно иллюстрируют, например, приведенные образцы типа *brillin brällin eletää* 'легко живут (букв. дескриптивное наречие + дескриптивное наречие + живут)', *a sen igä mennyh immin kummin* 'а его век прошел чудно (букв. с девушками, с причудами)'. Само собой разумеется, принцип ритмовки и, особенно, аллитерации определяет не только фразеологизмы в узком значении этого слова, но и все другие карельские образные выражения — поговорки, пословицы, загадки и т. д. При сопоставлении с другими прибалтийско-финскими языками здесь можно установить многие древние черты сходства. Ознакомление с работой Э. Лаугасте (E. Laugaste, *Sõnaalguline ja sisealliteratsioon eesti rahvalauludes. Eesti rahvalaulu struktuur ja kujundid I*, Tartu 1969 (TRÜT 234)), посвященной проблеме аллитерации, было бы в этом отношении весьма полезным.

Ситуативные фразеологизмы выделены В. П. Федотовой в особую группу, что можно считать вполне обоснованным, поскольку они представляют собой окказиональные словосочетания аффектного ха-

рактера, употребление и понимание которых обусловлено преимущественно экстралингвистическими факторами, например, *tozi on hiihtäi, ei pyzy ni suksil selläs* 'вот уж лыжник! (букв. правда — лыжник, не держится и на лыжах)'. Сама ситуация обычно оказывает влияние именно на такой экспрессивный характер приведенного выражения.

В. П. Федотова описывает полисемию (немногочисленные примеры) и относительно богатую синонимию карельских ФЕ (стр. 92—96), подчеркивает большое значение пласта соматических фразеологизмов (стр. 57—63) и раскрывает многие фразеологические этимологии. Среди карельских соматических фразеологизмов можно, например, обнаружить, кроме прибалтийско-финских (ср. кар. *kiellä pieksää* букв. 'язык бить' с эст. *keelt peksma* 'болтать'), и более древние, финно-угорские параллели (ср. кар. *peädä süötteä* букв. 'голову кормить' с эст. *(oma) pead toitma* и мокш. *пря трямс* 'жить, кормить'). В работе приводятся и ФЕ других типов, интересные для сравнения: кар. *sočakkah hot vanhoi ämmü da hevosen kengie* 'будь, что будет; любой ценой (букв. пусть льет дождь старыми бабушками и лошадиными подковами)' (стр. 86) и эст. *sadapu vői pussnuge ja väikesi padasid ~ poisse* (букв. пусть льет дождь финскими ножами и маленькими котлами ~ мальчиками) того же значения.

Следует особо отметить, что все без исключения теоретические установки автора, а также отдельные части анализа иллюстрируются удачными примерами, а также указаниями на источник того или иного примера и на территорию распространения фразеологизма. К сожалению, далеко не во всех зарубежных сборниках образных выражений имеются подобные необходимые указания.

В третьей главе (стр. 98—126) проанализирована грамматическая структура карельских ФЕ, среди которых наиболее частыми являются глагольные. Выявлены случаи зависимости формы глагольных ФЕ от их содержания (стр. 119 и сл.), отрицательная модальность некоторых фразеологизмов (стр. 140) и т. д. Специально изучены особо типичные для карельской фразеологии дескриптивные глагольные фразеологизмы, ФЕ с соположением однородных элементов (стр. 144—150),

сравнительные конструкции (стр. 142—144).

В основу группировки ФЕ положены здесь морфологические признаки, благодаря которым определяется, какая часть речи служит носителем фразеологического значения. Так как принцип грамматического анализа фразеологизмов включает и синтаксические категории, указывающие, в роли какого члена предложения функционирует та или иная ФЕ, то с целью экономии места целесообразно рассматривать эти компоненты по возможности вместе. В. П. Федотова и придерживается этого принципа, отмечая, например, что в составе глагольных ФЕ используются имена практически во всех живых падежах карельского языка, но падежом прямого объекта при этом могут быть номинатив, генитив и партитив: *šalbua kida* 'замолчи (букв. запри горло)', *annan mie šiule lähon* 'да я отсюда тебя выгону (букв. уход дам)', *peädä süötteä* 'жить'. В этой же главе детально рассмотрено формообразование карельского языка по отдельным частям речи.

Работу завершает приложение как своеобразный дополнительный к общему заключению итог (стр. 172—213), где в таблицах сведены и статистические данные о частотности употребления разных типов карельских ФЕ. Приложение, к сожалению, не отражает всего материала, так как базируется только на данных некоторых северных говоров карельского языка.

В общем корректном изложении материала обнаруживаются и некоторые недостатки, неточности и спорные положения.

1. Диссертант много и подробно говорит о роли метафоризации при возникновении ФЕ (стр. 39 и сл., 96 и др.). Метафорический перенос действительно имеет большое значение при фразеологизации словосочетаний, но кроме этого, есть и метонимический перенос; см. F. Vakk, *Fräseoloogiline ülekäanne ja selle tüübid*. — КК 1974, стр. 406 и сл. (стр. 170!). Ряд «метафор» автора оказывается явной метонимией, например, *turbie kukkar* 'много денег (букв. толстый кошелек)', *silmieh kiiristäü* 'злиться (букв. глаза свои тарасит)', *on jaloillah* 'не спит (букв. на ногах)' (стр. 42 и сл.) и др. О метонимии в диссертации речь идет

обычно имплицитно; ср. «фразеологизм, созданный ассоциацией по функции, по смежности» (стр. 48 и сл.), синекдоха (стр. 80 и сл.). О метафорическом и метонимическом переносах следовало бы сказать и в общем заключении (стр. 153).

2. Комплексы лексем, в качестве свободного словосочетания не имеющие значений (стр. 39), не образуют, как считает автор, всегда фразеологических сращений (идиом). Это слишком узкая и односторонняя трактовка немотивированности ФЕ. Изредка словосочетание может быть, например, гиперболическим описанием какого-то явления или состояния (ср. *piä jalkojen välissä* (букв. голова между ногами) как описание удрученности, *paha silmä* 'дурной глаз' как отражение представлений старых верований и т. д.) и иметь свою мотивировку по содержанию. Такие различия в интерпретации мотивированности отражаются и в распределении ФЕ по семантическим классам. Автор и сама признает, что не всегда можно провести четкую границу между классами ФЕ (стр. 48).

3. В. П. Федотова, с одной стороны, утверждает, что при фразеологических единствах нельзя ставить вопрос о семантическом стержне (стр. 44), с другой же, говорит о смысловом или семантическом стержнях в аналогичных соматических фразеологизмах (стр. 57 и сл., 60). Это — явная непоследовательность. Что касается семантического стержня, или доминанта ФЕ, то здесь еще много спорного, но по мнению нижеподписавшихся, и при фразеологических единствах можно говорить об известном семантическом ядре словосочетания (образа).

4. Диссертант пишет об окказиональных (случайных, неустойчивых?) ФЕ. Действительно, среди словосочетаний с компонентами *aiga, parka, raiska* и т. п. встречаются довольно свободные образования (стр. 65, 77), ср. *venehraiska* 'лодочка'. Некоторые источники трактуют такие элементы в словосочетаниях как слова с самостоятельными значениями; см. *Karjalan kielen sanakirja I*, Helsinki 1968, стр. 14. Кроме того, среди несомненно образных словосочетаний типа *hakopiä* 'глупец (букв. коряга-голова)' и т. п. оказалось слово *mielipaha* 'горечь', которое, придерживаясь установок современной лексико-

логии, вряд ли можно причислить к различным выражениям. Во всяком случае в капитальном и авторитетном *Nykysuomen sanakirja* нет соответствующей пометы для образований, начинающихся словом *mieli-* (ср. *mielipaha*, *mielihyvä*, *mielihalu*, *mieliharmi* и т. д.).

5. Вызывает сомнение утверждение автора о том, что якобы в карельской фразеологии практически нет полисемии (стр. 94, 97, 154). Маловероятно, что, например, значения 'любить' и 'помнить' фразеологизма *mielessä pidää* являются лишь оттенками одного (какого?) значения. Ведь закономерно, что при полисемии возникают связанные между собой значения.

6. Можно сомневаться в том, оправдано ли при анализе ФЕ типа *mieltä peäh hoivata* 'учить' в предложении элемент *hoivata* считать глаголом, а *mieltä* — дополнением (стр. 122, 148). Следовало ли поступать таким же образом при анализе идиом и других ФЕ предикативного типа, таких как *aparuo ~ raboa antoa* 'отказать жениху (букв. опару ~ грязи дать)' (стр. 41), *peikalo savie piirtää* 'очень пьяный (букв. большой палец глину чертит)' (стр. 198) и др.? Представляется, что в таких случаях надо учитывать семантическую целостность фразеологизма и упомянутые ФЕ целиком считать фразеологическими предикатами (сказуемыми). Изучение структуры ФЕ, конечно, дело другое.

Не всегда можно согласиться и с отнесением к именам тех примеров, где мы имеем дело скорее с наречием, например, *ainoz on suutuksiz* 'всегда сердится (букв. есть в сердцах)'. В таком случае должно быть налицо существительное *suutus*, но

мы не встречаем его ни в карельском, ни в других прибалтийско-финских языках.

Недостатки и погрешности, отчасти лишь технического характера, не снижают практической и теоретической ценности диссертации, которая представляет собой законченное исследование, т. е. описание целой системы карельской фразеологии. Работа свидетельствует о том, что В. П. Федотова, будучи по происхождению карелкой, прекрасно знает материал и владеет необходимой научной методикой. О значимости темы говорит тот факт, что она внесена в план исследований научных учреждений Карельской АССР. В. П. Федотова прекрасно справилась с всесторонним анализом до сих пор слабо изученной фразеологии карельского языка. Выводы и общее заключение тоже не вызывают возражений. Результаты и материалы работы могут быть полезны и при изучении фразеологических систем других финно-угорских и неродственных языков. Полученные новые научные данные могут — last but not least — быть использованы также при изучении карельской лексики, в частности при составлении фразеологического словаря карельского языка. Общетеоретическую ценность имеют наблюдения автора в области комплексных признаков и типов ФЕ. Общий интерес для сравнения представляют статистические данные о частоте употребления типов ФЕ, проблема вариантности и др.

По мнению рецензентов, на основе богатого материала диссертации автору следует подготовить и опубликовать монографию, посвященную фразеологической системе и структуре карельского языка.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту),
ФЕЛИКС ВАКК (Таллин)

М. З. Илькинова, Обособленные второстепенные члены предложения в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1976.

19 сентября 1977 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук преподавателем Мордовского

государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева М. З. Илькиновой на тему «Обособленные второстепенные члены предложения в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук